С.И. Якимова, доктор филологических наук, заведующий кафедрой журналистики социально-гуманитарного факультета Тихоокеанского государственного университета; e-mail: 005563@pnu.edu.ru

ЛИТЕРАТУРА И ЖУРНАЛИСТИКА РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА КАК ПОЛИКУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО

В статье на основе архивных материалов редких зарубежных периодических изданий раскрывается продуктивное взаимодействие литературы и журналистики русского зарубежья Дальнего Востока 1920–1940-х гг. в контексте диалога традиций русской классики и Серебряного века с идейными установками советской литературы. Творчество писателей и публицистов дальневосточного зарубежья рассматривается как актуальное поликультурное пространство сквозь призму уникального, продуктивного взаимодействия культуры запада и востока, России и Китая.

***Ключевые слова**: творчество, писатели и журналисты, русское зарубежье Дальнего Востока, Россия и Китай, поликультурное пространство.*

The article reveals a productive interaction of literature and journalism of the Russian emigration of the Far East in 1920–1940s. The interaction is analyzed in the context of interlinks of Russian classics and the Silver Age traditions with ideological basics of Soviet literature. The activities of writers and publicists of the Far East Russian emigration is considered as the multicultural environment formed by the interaction of cultures of East and West, Russia and China.

***Key words:** creation, writers and journalists, Russian emigration of the Far East, Russia and China, multicultural environment.*

Введение. Литература

Богатое, разнообразное в жанровом отношении творчество писателей и журналистов русского зарубежья Дальнего Востока, активно возвращающееся в настоящее время в отечественный историко-культурный, литературный и медийный контекст, становится уникальным источником новой научной информации, расширяющей представления об интеграционных процессах межкультурной коммуникации в странах Северо-Восточной Азии. Высокий гуманистический заряд эмигрантского писательского и журналистского творчества наполняет новой реальностью вузовское преподавание гуманитарных дисциплин и открывает перспективы для развития межкультурного, межнационального взаимодействия в контексте интернационализации образования. Внедрение малоизвестных и неизученных материалов литературного и журналистского творчества представителей русского зарубежья Дальнего Востока в научно-

исследовательскую деятельность и учебно-образовательный процесс высшей школы открывает новые перспективы практического использования результатов научно-исследовательских разработок одного из современных научных направлений.

Системное изучение наследия писателей и журналистов русского зарубежья Дальнего Востока проводят исследователи кафедры журналистики Тихоокеанского государственного университета, в том числе в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг. Результаты их комплексного исследования опубликованы. Среди них учебное пособие С.И. Якимовой[1], коллективная монография [Литература и журналистика русского зарубежья Дальнего Востока в межкультурной коммуникации XX–XXI вв., 2012], сборники научных статей двух международных научно-практических конференций «Литература и журналистика стран Азиатско-Тихоокеанского региона в межкультурной коммуникации XX–XXI вв.» [Литература и журналистика стран Азиатско-Тихоокеанского региона в межкультурной коммуникации XX–XXI вв., 2011; Литература и журналистика стран Азиатско-Тихоокеанского региона в межкультурной коммуникации XX–XXI вв., 2014], антология-хрестоматия не публиковавшихся в России эмигрантских произведений писателей и журналистов[2]. Частично эти материалы размещены на сайте кафедры журналистики ТОГУ.

В круг изучаемых источников вошли работы известных исследователей литературы и журналистики в «русском» Китае. Одним из первых крупных исследований стала монография Е.П. Таскиной «Русский Харбин» [Таскина, 2005]. Научным фундаментом послужили теоретические, историко-литературные труды отечественных и зарубежных исследователей литературы и журналистики русского зарубежья в целом и Дальнего Востока, в частности. Это прежде всего труды Л.А. Фостер [Фостер, 1970], В.В. Агеносова[3], Э. Штейна [Штейн, 2000], Сюй Гохун [Сюй Гохун, 1996]. В последнее десятилетие в данном направлении активно работают исследователи,

---

[1] См.: *Якимова С.И.* Литература русского зарубежья Дальнего Востока: Учеб. пособие. 2-е изд., перераб. и доп. Хабаровск: Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та, 2009. URL: http://pnu.edu.ru/media/filer/2012/09/27/litera_dv.pdf

[2] Их дальний путь лежал в изгнанье...: Антология-хрестоматия произведений литературы и журналистики русского зарубежья Дальнего Востока / Авт.-сост. С.И. Якимова, Е.С. Бабкина, Н.А. Выхованец, И.Ю. Ковальчук, Н.П. Котельникова, А.В. Тепляшина, А.Х. Юсупова; Под науч. ред. С.И. Якимовой; вступит. статья С.И. Якимовой. Хабаровск: Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та, 2011. URL: http://pnu.edu.ru/media/filer/2012/09/27/antologia.pdf

[3] См.: *Агеносов В.В.* Литература русского зарубежья (1918–1996): Учеб. пособие. М.: Терра. Спорт, 1998.

профессора вузов Дальнего Востока России: О.А. Бузуев [Бузуев, 2003], А.А. Забияко [Забияко, 2008], С.И. Якимова [Якимова, 2013] и др.

Журналистика «восточной» эмиграции: Сибирь и Дальний Восток

Возникновение восточной ветви русской эмиграции стало прямым следствием поражения белых армий в Гражданской войне 1919–1922 гг. Условия и обстоятельства формирования дальневосточного зарубежья носили свой, особый характер, заметно отличаясь от западного зарубежья. Дальневосточная эмиграция начала свою внутреннюю жизнь, по сути эмиграцию духовную, задолго до фактической и достаточно далеко от границ нашего государства, в Омске — тогдашней «столице Сибири», где в годы гражданской войны пересеклись судьбы многих русских писателей, журналистов, деятелей культуры.

В годы Гражданской войны в Омске выходили десятки газет самых разных политических партий и общественных движений: либерально-буржуазная «Заря», кадетская «Сибирская речь», демократические «Дело Сибири» и «Путь Сибири», белогвардейские «Вперед!», «Наша газета», а также газеты «Слово», «Русь» и другие. В те годы в Омске жили или бывали проездом Арсений Несмелов, Константин Бальмонт, Давид Бурлюк, много написавший о литераторах Омска этого периода. В демократических газетах Омска тогда печатались Вс. Иванов, Л. Мартынов, Н. Иванов (псевдоним *Н. Анов*). Большой интерес для современников, как яркое и редкое свидетельство общественной и культурной жизни Омска рубежа 1920-х гг. представляет книга Н. Анова «Интервенция в Омске». В главе «Литературный двойник» Н. Анов так характеризует деятельность журналиста Вс.Н. Иванова: «Подающий немалые надежды ученый, талантливый писатель, он превратился в рядового газетчика и здесь, благодаря помощи Николая Васильевича Устрялова, сделал неслыханно быструю карьеру. Удивительного в этом ничего не было. Сам Николай Васильевич был избран председателем Восточного отдела Центрального Комитета кадетской партии. Профессор стал издавать в Омске газету “Русское дело” и возглавил Русское бюро печати, а Всеволод Никанорович сделался правой рукой Устрялова» [Анов, 1981, с. 424].

Владивосток, Хабаровск и Харбин в начале 20-х гг. XX в. образовали своеобразный дальневосточный «пятачок», где разыгрывались значительные политические события 1918–1922 гг. По преимуществу во Владивостоке, как портовом и приграничном городе, столкнулись политические интересы многих государств и главных

политических сил России. Заметным катализатором, активизировавшим жизнь на Дальнем Востоке, явились остатки золотого запаса России, попавшие в руки представителей местной верхушки. До октября 1922 г., времени, когда советская власть установилась в Приморье, сообщение между Харбином и Владивостоком было относительно свободным и регулярным, так как оно проходило по территории Дальневосточной республики (ДВР).

Владивосток в те годы был крупным политическим и культурным центром России. И в этом так называемом «угловом городе» России чувствовался довольно крепкий, хотя и умеренный, пульс деловой, торговой, административной, культурной и политической жизни. Совершенно особое место в общественно-политической и культурной жизни этой окраины России занимала журналистика. Она буквально «кипела» всеми обнаружившимися здесь политическими течениями, философскими и эстетическими воззрениями. Для многих представителей творческой интеллигенции местные газеты и журналы были единственным местом, где могли увидеть свет их произведения малой и большой художественной формы. Благо, что газет во Владивостоке выходило предостаточно: либеральная «Дальневосточная окраина», переименованная в «Голос Родины», газету «Слово» открыла группа правого направления во главе с братьями Меркуловыми, печаталась эсеровская «Эхо», бойкий сатирический листок «Блоха» издавался Андрушкевичем. Это поистине уникальное явление в истории отечественной журналистики, когда газеты предоставляли возможность писателям и поэтам обратиться к своим соотечественникам посредством не только публицистического, но и художественного слова. Так, выходившая во Владивостоке газета «Русский край» еженедельно выпускала литературно-художественные приложения, в которых печатались местные поэты и прозаики. В 1921–1922 гг. здесь публиковались сонеты Вс.Н. Иванова, в которых писатель, мыслитель и журналист продолжил поэтическое исследование своей главной темы, темы России, ее истории и истории Китая. Выбор жанра сонета для Вс.Н. Иванова был обусловлен высоким уровнем философичности его художественного мышления, а также особой склонностью автора к подробной описательности, вниманием к деталям жизни и быта[4]. Для Иванова художественная форма сонета имела принципиальное значение как выражение эстетической приверженности классике и традиции. Содержательные признаки жанра сонета проявятся позднее в его художественной прозе.

[4] Их дальний путь лежал в изгнанье... С. 121–129. URL: http://pnu.edu.ru/media/filer/2012/09/27/antologia.pdf

Эмигрантская журналистика в Харбине

В начале 1920-х годов журналистика «русского» Харбина развивалась в тесной связи с журналистикой Дальнего Востока России. Многие журналисты совмещали работу в изданиях Харбина, Владивостока, Хабаровска. В Харбине выходили газеты: «Советская трибуна», «Русский голос», «Свет» и другие. Газету «Свет» вел ее редактор-издатель Г. Г. Сатовский-Ржевский, старый дальневосточник, известный журналист. Одной из самых популярных на протяжении нескольких десятилетий была газета «Заря», созданная московским журналистом М.С. Лембичем и его другом, талантливым журналистом Г.Н. Шипковым. Эти журналисты работали, вспоминает Вс.Н. Иванов, «как бешеные»[5]. Поначалу «Заря» была вечерней газетой, а М.С. Лембич мечтал о втором издании. Огромное желание и предприимчивость увенчались успехом: ему удалось получить заем в 20 000 долл. в Русско-Азиатском банке, после чего газетное дело Лембича стало набирать силу. Ему удалось открыть еще две «Зари» — в Шанхае и Тяньцзине. Харбинская либерально-белая газета «Рупор» (издатель Е.С. Кауфман) сразу стала конкурентом «Зари». К 1931 году все харбинские газеты, кроме «Гун-Бао» и японского «Харбинского времени», принадлежали М.С. Лембичу, которого Ю.В. Крузенштерн-Петерец в своих «Воспоминаниях» назвала «одной из самых ярких фигур во всей дальневосточной эмиграции»[6]. Он был прирожденным и потомственным газетчиком. После смерти М.С. Лембича его вторая жена, Ольга Викторовна, довела существование газеты «Заря» до конца Второй мировой войны. Большой вклад в процесс взаимного узнавания и поистине исторического сближения культур и литератур Запада и Востока внесли своей литературной и общественно-культурной деятельностью такие русские писатели и журналисты дальневосточной эмиграции, как Всеволод Никанорович Иванов, Валерий Перелешин, Арсений Несмелов, Михаил Щербаков и другие.

Журналистская деятельность Вс.Н. Иванова 1920-х гг. была тесно связана с самой богатой в Харбине двуязычной газетой «Гун-Бао» («Общественная газета»), которую начал издавать в середине 1920-х гг. китайский чиновник Гуань Хун-и, остававшийся все время существования газеты ее директором. Идея создания русскоязычной «Гун-Бао» принадлежала Араму Мелику-Вартаньянцу, умному

[5] *Иванов Вс.Н.* Исход: Повествование о времени и о себе // Дальний Восток. Хабаровск, 1995. № 1. С. 25.

[6] См.: *Крузенштерн-Петерец Ю.В.* Воспоминания // Россияне в Азии. Торонто, 2001. № 8. С. 57.

коммерсанту, который стал ее первым редактором, проявив себя при этом как человек властный и вспыльчивый. У газеты интересная предыстория. «Гун-Бао» была преемницей китайского официоза «Юань-дун-бао» («Дальневосточная газета»), выходившего на китайском языке. Название «Гун-Бао» было одним из самых распространенных названий китайских газет. Почти в каждом китайском городе была своя «Гун-Бао». В Шанхае, например, выходила «Да-гун-бао» («Большая общественная газета»). Харбинская «Гун-Бао» разместилась в одном из домов на Офицерской улице, где прошли детские годы Ю. Крузенштерн-Петерец, дочери офицера Первого Заамурского конного полка, оставившей названные выше «Воспоминания» об эмигрантском периоде жизни.

Яркие впечатления от встреч с Вс.Н. Ивановым сохранились у Ю. Крузенштерн-Петерец на долгие годы. «Первое, чем поразил меня Иванов, был его колоссальный рост, вероятно, целая сажень, при необъятнейшей толщине. Когда он вставал с кресла, то в полном смысле этого слова стягивал его с себя. <...> Ему было в то время лет тридцать семь. По виду это был типичный мужик — великан, ростом чуть ли не семи футов, необъятнейшей толщины, а весом и сказать не берусь сколько. Обжора, кутила, ругался артистически на нескольких языках, но без злости — весельчак был тогда»[7]. Коллега Иванова, высоко оценивая его журналистские способности и человеческое обаяние, особо отмечает атмосферу свободного творчества в руководимой им газете. «Талант его тогда цвел пышным цветом, особенно хороши были его подвальные статьи, написанные чудесным русским языком — вкусным, сдобным, чуть-чуть сыроватым языком московской просвирни. Он был в то время известен не только на востоке»[8]. Вс.Н. Иванова из «Гун-Бао» знали в те годы и в Москве.

Неординарную известность он снискал себе в связи с тем, что имел дерзость послать в Москву на отзыв отдельный оттиск своих статей о Ленине. Одна из статей Вс. Иванова о большевистском вожде под заголовком «Ленин» была опубликована в харбинской газете «Свет» в 1924 г. после получения известия о его смерти, а затем была включена автором в сборник его статей «Огни в тумане: Думы о русском опыте» [Иванов, 1932, с. 97–101], но по каким-то причинам современные издатели этого сборника статей Вс.Н. Иванова статью о Ленине исключили из публикации [Иванов, 1991].

---

[7] См.: *Крузенштерн-Петерец Ю.В.* Воспоминания // Россияне в Азии. Торонто, 2001. № 8. С. 71.

[8] Там же.

За журналистскую смелость Иванов был отмечен «длиннющим писанием» в свой скромный адрес советским публицистом М. Кольцовым, который разразился гневной статьей в газете «Правда» от 27 ноября 1928 г. Ответом на эту публикацию М. Кольцова стал очерк Вс.Н. Иванова «Письмо в Москву», в котором Иванов цитирует Кольцова: «Иванов сознательно направляет свои строки не к заграничному, оскудевшему деньгами, волей и чувствами эмигранту <...>. Он ищет другого читателя внутри нашей страны. <...> Харбинский Иванов прокладывает новые пути. Он нащупывает рынок с другой стороны. Он учитывает реальные обстоятельства. <...> Брошюрку с портретом Ленина на обложке можно было спокойно держать на столе и даже в учреждение принести и, хихикая, прочесть с сослуживцами» [там же, с. 213]. Всеволод Никанорович остроумно парировал саркастические выпады М. Кольцова:

— Ах, Иванов из «Гун-Бао», — пишет Кольцов, — где же вы были раньше?.. Догадайся вы насчет «неслыханных прибылей», убеди вы «молодых русских капиталистов» — чего доброго, оскандалился бы Маркс со своими теориями, не нужен был бы Ленин. <...>

— Ах, господин Кольцов из «Правды», — скажу я, — вашими словами говорит сама истина. Скажите, пожалуйста, положа руку на сердце, если оно еще у вас осталось и не заменено партбилетом, — скажите, а разве вот Маркс не оскандалился по всей Европе именно поэтому? Разве там не обошлось превосходнейшим образом без Ленина? <...> А вот мы не обошлись. И вот в этом есть некоторый род исторической обреченности» [Иванов, 1991, с. 215]. Статья Иванова «Письмо в Москву» явилась не простым политическим ответом оппонентам, чтобы, как пишет автор, «соблазнить» одного из ваших малых, над которыми вы куражитесь, заткнув им рот; ее смысл и цель заключались в том, «чтобы отметить некоторую степень объективной истины» [там же]. Это «Письмо...» свидетельствует о непоколебимости веры Вс.Н. Иванова в величие духа и здравый смысл русского народа. Оно продиктовано желанием для своей страны не «экспериментов в планетарном масштабе», а строительства «действительной, спокойной мирной жизни, трудовой, равной, культурной. <...> И Ленин, — продолжает Иванов, — исторически нужен был для того, чтобы русский народ оценил необходимость правильности былого устройства государства и пришел к выводам, отмеченным вашим совпоэтом:

Кто так страдал — имеет право
У тихой речки отдохнуть» [Иванов, 1991, с. 216].

Иванов прямо и открыто заявляет о побудительных мотивах, внутренних пружинах деятельности многих русских писателей и журналистов, находившихся в эмиграции: «Мы, зарубежные писатели, никак не можем понять священности ваших прав на то, чтобы скакать вам одним по просторам российским и проповедовать то, что не лезет ни в какие ворота. И мы тоже хотим попасть на российскую территорию, и уже проповедовать то, что само лезет в любые мужичьи ворота. Должно, должно быть покончено с монопольностью вашей проповеди! И будет покончено, будьте покойны» [Иванов, 1991, с. 214]. М. Кольцов зло и саркастично высказывает невероятное, с его точки зрения, предположение, которое было подтверждено ходом исторического развития: «Очевидно, согласно объективного хода вещей, понадобится новый Ленин, который будет более объективен в свойствах русской души и создаст новый православный, всенародный Октябрь» [там же, с. 217]. Иванов пророчески писал в далеком 1928 г. о том, что произошло только к концу XX в.: «Что же, Русь состоит из Ивановых. <...> Да, это шевелятся Ивановы, сотни, тысячи, сотни тысяч, миллионы Ивановых. <...> И поверьте мне, они теперь знают, что они хотят, эти Ивановы, и будет время — они прорвут вашу плотину» [там же].

Эмигранты и восточная культура

В результате глобальных социально-политических перемен в России в конце 1910-х гг. Китай как соседнее государство принял к себе и дал возможность жить и трудиться огромному количеству русских беженцев и вынужденной бежать за пределы России части белой армии. Значительную часть российской эмиграции на восток составляла творческая и научная интеллигенция. Покинувшие Россию писатели, журналисты, художники, музыканты, ученые оказались лицом к лицу с новой для себя восточной культурой. Чтобы не растратить, а приумножить свой творческий потенциал, они были поставлены перед необходимостью постигать тайны и загадки незнакомой культуры, вовлекать обогащающие элементы этой культуры в свое творчество, вместе с тем влияя на художественную культуру страны востока.

Тема Востока и Китая, в частности, стала одной из главных в творчестве многих литераторов дальневосточной эмиграции. Русские писатели и журналисты, приверженцы темы востока, оказавшись в Китае в 1920–1930-е гг., предпринимали неоднократные и серьезные попытки создать свои литературно-художественные объединения и содружества, наладить в них выпуск периодических

изданий, нацеленных на глубокое изучение и научно-художественное постижение истории, культуры и литературы востока. Постоянным соперничеством в этом отношении отличались Харбин и Шанхай. Большинство из увидевших свет таких изданий в настоящее время являются библиографической редкостью.

По-настоящему подвижнический характер приобрела работа создателей и участников литературно-художественных альманахов, посвященных изучению российскими исследователями, писателями и художниками истории и культуры Китая и приближения его читателю-соотечественнику. В Шанхае в начале 1920-х гг. вышли в свет альманахи: «Дальний Восток» (1920), «Желтый лик» (1921) и «Китай» (1923). В редакционной статье альманаха «Желтый лик» сформулированы главные цели издания: ознакомить русских читателей с Китаем, его духовной и материальной жизнью, с его своеобразной культурой и искусством. При этом справедливо отмечалось, что русская литература крайне бедна произведениями, рисующими жизнь Китая. Английская, французская и немецкая публика, замечает редактор, поставлена в более благоприятные условия, чем Россия, хотя она «непосредственно граничит с Китаем на протяжении нескольких тысяч верст»[9]. Поэтому редакция взяла на себя право использовать переводные статьи с английского, немецкого и французского о Китае, «способствующие постичь непонятную нам душу великого народа»[10]. В переводе с французского И. Евельич в «Желтом лике» представлена статья Л. Верлей «Китайское искусство». Западная культура через свои переводы помогала сближению России и востока. Создатели «Желтого лика» и «Китая» прекрасно осознавали важность и своевременность появления таких альманахов. «Мы верим, мы убеждены, что такое издание полезно и необходимо, — прозорливо отмечали они. — Тем более оно необходимо сейчас, когда Русский Дальний Восток переживает трагедию, в которой, — кто знает? — быть может, и Китаю суждено сыграть видную роль ...» [11]

Содержание альманахов поражает богатым содержанием. Оно включает в себя поэзию и прозу, как русскую, так и переводную с китайского. Теме востока посвящали свои стихи и русские поэты дальневосточной эмиграции. Широко известный в эмигрантских кругах поэт и переводчик с китайского Михаил Щербаков опубликовал в альманахе «Китай» свое стихотворение «Царь-Дракон»[12],

[9] Желтый лик: Альманах. Шанхай, 1921. С. 7.
[10] Там же.
[11] Там же. С. 8.
[12] Китай: Литературно-художественный альманах. Шанхай, 1923. С. 4.

написанное в 1921 г. в бухте Сидеми, что на границе с Кореей. Его сонет «Жень-шень», созданный во Владивостоке в 1922 году, представляет собой художественную концентрацию философии и культуры китайского народа, выражая общее в миропонимании и мироощущении других народов мира:

Того, кто волей твёрд и помыслами чист,
Проводят гении лесистым Да-Дянь-Шанем
В извилистую падь, к затерянным полянам,
Сокрывшим зонт цветов и пятипалый лист.
И злобны демоны, слуга их — тигр — когтист:
Не торопись звенеть серебряным даяном
Под вязью вывески торговца талисманом,
Где тайных зелий дух и прянен, и душист.
Сложив фанзу, постись! Из недр росток Жень-шеня
Сбирает старику любовные томленья
И смертному двоит даренный небом срок.
И в мглистый час Быка, созвездьям покорен,
С молитвой праотцам бери олений рог
И рой таинственный, подобный людям, Корень[13].

Сама природа стоит на страже духовности и нравственности человека, утверждает своим сонетом русский поэт, разделяя идею гармонии человека востока и природы как основополагающую для человеческого бытия вообще.

В эти же годы в Харбине начался выпуск литературно-художественного ежемесячника «Окно», также обращенного к проблемам востока, но в более тесной связи с вопросами истории культуры России. Известно о выходе двух номеров этого уникального издания (за ноябрь и декабрь 1920 г.). Эти журналы российских эмигрантов стали выражением общечеловеческих ценностей их создателей, попыткой открыть «окно в Россию» с востока, чтобы помочь ей преодолеть крутой поворот истории, выйти из идеологического тупика на новый виток своего развития в глобальном культурном контексте.

Журнал в равной мере был адресован как эмигранту, так и читателю, оставшемуся в России. Он нес российскому читателю мир востока, генетически близкий ему, но на тот момент искусственно изолированный от России. Эти журналы служили тогда, в 20-е гг. XX в., основой для выявления восточных влияний в сложном историческом пути России. Первый номер журнала «Окно» от 18 ноября 1920 г. был отправлен из Харбина в Москву М. Горькому, о чем свидетельствует надпись на обложке журнала, хранящегося в отделе

[13] Китай: Литературно-художественный альманах. Шанхай, 1923. С. 7.

Русского зарубежья Российской государственной библиотеки. Создатели «Окна», утверждая вечность, возвышенность искусства, не уходят от жизни с ее проблемами в сладкий мир грез. «Искусство — над пушкой и над лафетом, — читаем мы в редакционной статье первого номера. — Оно — небо жизни»[14]. Именно искусство должно стать светочем, путеводной звездой, оно призвано помочь миру не упасть в бездну мрака и тьмы. «Мы не уклоняемся от жизни. <...> Не закрываем очей на происходящее. Но в наших душах нет места для ужаса и боязни, потому что в них вливается не только железно-чугунный раскат ломающихся и строящихся дней, — но и вещая песня любви, творчества и покоя, идущих на смену стальному лязгу борьбы»[15].

С середины 1920-х гг. атмосфера общественной и культурной жизни русских эмигрантов в Харбине начала меняться. Наметился отход от вопросов политики, повысился интерес к вопросам культуры и искусства, в том числе литературы. Более высокого уровня достиг интерес творческой эмиграции к теме Востока. Жившие в Харбине русские писатели и журналисты, увлеченные темой Востока, предприняли в 1931 г. издание литературно-художественного сборника «Багульник». Свое поэтическое название сборник получил по названию особо почитаемого в Маньчжурии растения, которое весной начинает цвести первым. Редактором-издателем «Багульника» стал Ф.Ф. Даниленко.

Главная направленность этого издания — изучая Восток, служить России — была выражена в предисловии к первой книге сборника: «Мы живем на Востоке. Мы держим направление на Россию»[16]. Служа таким своеобразным образом России, писатели, участвовавшие в создании «Багульника», объективно способствовали процессу взаимного узнавания и сближения культур запада и востока. Одной из самых ярких публикаций «Багульника», как отметила в свое время эмигрантская критика, был путевой очерк Вс.Н. Иванова «Пекин», написанный им под впечатлением от своего первого посещения китайской столицы в 1920 г. Очерк представляет собою записки путешественника, мыслителя и художника слова, пытливо стремящегося заглянуть за грань видимого, проникнуть в суть и сущность явлений и предметов, открываемых писателем не только для себя. В путевом очерке мы видим столицу Китая Пекин глазами современника драматической эпохи, эмигранта-исследователя,

[14] Окно: Литературно-художественный журнал. Харбин, 1920. Ноябрь. С. 12.
[15] Там же. С. 13.
[16] Багульник: Литературно-художественный сборник. Харбин, 1931. № 1. С. 11.

художника слова. Автор дает подробнейшее описание древних сооружений и экзотического быта Китая: Богдыханского дворца, музея Пекина, старинных улиц города и т.д. Выбор объектов не случаен, он обусловлен особым отношением Иванова к искусству как способу познания. От наблюдений над конкретными предметами искусства автор ведет читателя к философским раздумьям, открывая ему многовековую мудрость и глубину восточной культуры: «Опять двор. Опять дома. Библиотека. На стене висит картина, резная по дереву. Видно, как безмятежно нежатся золотые горы в лазурном море — не символ ли это украшающего все искусства? И безмятежно, и величаво-красиво <...>. Нужно еще искусство, чтобы пронизать своим великолепием покой царственных покоев, чтобы смысл красоты курился здесь, как курильницы пред дворцом. И оно было там...»[17]. Сравнивая Китай с Россией, а Пекин — с Москвой, Иванов отмечает немало общих черт: «Город в городе, императорский город — Запретный Город. Красные стены окружают резиденции императора. И когда вы смотрите на эти цветистые, красные стены, на зеленые изразцы, что покрыли их, на золотые знаки на синем поле над коваными воротами, на позолоту шпилей — так и видите — Москва. В центре Пекина — Кремль. Не хватает лишь колокольни Ивана, чтобы иллюзия эта стала совершенной. Какими же узами связаны мы, русские, с Китаем»[18]. В настоящее время с этим очерком Вс.Н. Иванова можно познакомиться в антологии-хрестоматии, подготовленной к изданию преподавателями-исследователями кафедры журналистики Тихоокеанского госуниверситета[19].

Свой неуклонный интерес к востоку этот писатель, мыслитель, поэт и журналист продолжил реализовывать, предприняв в 1932 г. в Тяньцзине, где проживал непродолжительное время, издание общественно-литературного журнала «Азия». Известно о выходе четырех номеров этого журнала, остающегося библиографической редкостью. Данный факт побуждает исследователей к дальнейшим поискам, открывает новые горизонты для историков отечественной литературы и журналистики [Якимова, 2013, с. 168]. Глеб Струве, автор одного из первых трудов о русской эмигрантской литературе, оставил пророческое наставление следующим поколениям исследователей: «Будущему историку русской журналистики

[17] Там же. С. 160.

[18] Там же. С. 155.

[19] Их дальний путь лежал в изгнанье... С. 23–36. URL: http://pnu.edu.ru/media/filer/2012/09/27/antologia.pdf

придется отметить еще ряд журналов — ежемесячных, двухнедельных, еженедельных — выходивших по всему миру и обслуживавших нужды Русского зарубежья. <...> В некоторых из них могут отыскаться и какие-нибудь провороненные критиками литературные перлы» [Струве, 1996, с. 66].

Расцвет русской журналистики в 1930-е гг. переживал и Шанхай. Шанхайская «богема», как называли себя русские художники, литераторы, артисты и музыканты, создала широкую сеть кружков и обществ («Шанхайская Чураевка», «Понедельник», «Восток» и др.). Многие из них, оставаясь приверженцами темы востока, его особой роли в истории России, издавали свои журналы. Содружество литераторов «Понедельника» учредило свой печатный орган с таким же названием. Журнал «Понедельник» выходил в период с 1930 по 1934 г. Восточная тема в первом номере журнала была представлена очерком М. Щербакова «По древним каналам», во втором номере она была значительно расширена статьей Е. Фёдорова «Хань Чжоу», а также переводами с китайского Ф. Даниленко, М. Щербакова. В рассказах К. Батурина «Шаньдун» и А. Несмелова «Le Sourire» запечатлены подробные детали китайской жизни тех лет. Проза в журнале была представлена В. Логиновым, Вс.Н. Ивановым, присылавшими свои произведения из Харбина; поэзия — А. Несмеловым, Л. Гроссе, Т. Андреевой, Н. Щёголевым, М. Спурготом, В. Янковской, присылавшей стихи из Кореи.

В декабре 1933 г. после выхода из содружества «Понедельник» большой группы молодых литераторов в Шанхае было создано новое литературно-художественное объединение «Восток». Самим названием новое объединение литераторов и журналистов еще заметнее актуализировало тему востока в творчестве эмигрантов. Для реализации творческих планов «Восток» учредил свой печатный орган, журнал «Врата». В редакционной статье первого номера журнала изложена эстетическая программа объединения. Перед творческой интеллигенцией России, оказавшейся в Китае, ставились две главные задачи. Во-первых, отразить, чем внутренне живут на Дальнем Востоке русские писатели и художники, занесенные сюда волною революции, и как претворяется в их творчестве этот своеобразный и самобытный мир. Во-вторых, показать русскому читателю хотя бы частицу культурно-художественных богатств востока, о которых все еще так мало было сказано в русской литературе. Восток велик, подчеркивалось в этой статье, ибо он дал миру все великие религии. Само время выдвигало восток на авансцену мировой цивилизации, диктовало потребность и необходимость в его изучении и познании в контексте цивилизационного про-

гресса всего человечества. «Живя в обстановке стран древних азийских культур, — отмечалось в редакционной статье, — мы поставлены в особо выгодные условия для продолжения культурно-исторической роли нашей Родины — связующего и связывающего звена между Востоком и Западом, черпающего и сплавляющего в себе лучшее, что есть в обоих, для создания чего-то Третьего, которому, быть может, и суждено примирить современную культуру с современной цивилизацией»[20].

Заметно расширились географические горизонты осваиваемого художественного пространства. Авторы все чаще стали обращаться к темам, связанным с другими странами востока: с Японией, Кореей. Во «Вратах» увидели свет статьи ориентальной тематики: «Листы дневника» Н.К. Рериха, «Сокровища китайского искусства» Л.В. Арнольдова, «Учение Дао» Синолога, «Китайский иероглиф» Е.А. Фёдорова, «Бусидо (нравственный кодекс самурая, или Душа Японии)» А.А. Цепушелова. Теме Востока были посвящены и многочисленные поэтические произведения этого журнала. Среди них — «Хунхуз» А. Несмелова, «В храме Ми-син» Т. Андреевой, «Стихи императора», «Японский храмик», «Вишня», «Танка» М. Щербакова и другие. Заметный вклад в освоение восточной тематики и поэтики внес Михаил Васильевич Щербаков. Физик по образованию, военный летчик в годы Первой мировой войны, он имел незаурядные литературные способности. Владея несколькими иностранными языками, М. Щербаков проявлял большой практический интерес к уникальным национальным формам классической поэзии Китая и Японии. В первом номере журнала «Врата» было опубликовано его небольшое стихотворение, написанное М. Щербаковым в Токио в излюбленной форме японской классической поэзии:

Танка

Белокрылая
Стайка бабочек дрожит
На сучках с утра.
Нет! — То слива расцвела
У притихшего пруда[21].

Японская тема, заявленная в стихах М. Щербакова не только через содержание, но и через поэтическою форму японской классической поэзии (танка), еще раньше нашла поэтический отклик в тради-

[20] Врата: Литературно-художественный журнал. Шанхай, 1933. № 1. С. 2.

[21] Танка — излюбленная форма японской классической поэзии, состоящая из 31-го слога, расположение которых по строчкам должно быть в следующем порядке: 5-7-5 и затем 7-7.

ционно нерифмованных катренах, «Японских стихах» Вс.Н. Иванова, впервые опубликованных во Владивостоке в 1921 г. в литературно-художественном Приложении к газете «Русский край»[22] и переизданных в 1935 г. в составе второй книги журнала «Врата»[23].

Журналистика русского зарубежья Дальнего Востока сохранила и донесла до нашего времени примеры этого уникального опыта освоения восточной поэтики россиянами. Русские переводы китайской поэзии нередко можно было встретить в эмигрантских периодических изданиях. Особым богатством в этом отношении отличался журнал «Рубеж». Эти публикации не утратили своей актуальности и сегодня. Общность проблематики (природа, творчество, любовь) роднит художников всех стран и континентов. Предлагаем два небольших перевода поэта-эмигранта Николая Светлова.

Рыболов

(Поэт *Ли-Бай*)

И шляпа, и рыбачий плащ. И челн.
И удилища согнутая сажень.
И тень горы. И плеск игривых волн.
И лунный блеск осеннего пейзажа.

Вдохновение

(Поэт *Цин-Жун*)

В руке стакан пьянящего вина.
Мой стол устлал стихотворений ворох.
Я счастлив. Я творю. И не моя вина,
Что не с кем разделить мне радость взоров[24].

Заключение

Литература и журналистика русского зарубежья в Китае 1920 — 1940-х годов, рассматриваемые во взаимодействии, представляют собой явление интеграции, поскольку огромное количество выходивших за рубежом русскоязычных периодических изданий были для оказавшихся в Китае русских писателей и поэтов единственным местом для опубликования своих произведений. Творческий

[22] См.: *Иванов Вс.Н.* Японские стихи // Русский край. Владивосток, 1921. № 137. С. 2–3.

[23] См.: *Якимова С.И.* Литература русского зарубежья Дальнего Востока: Учеб. пособие. 2-е изд., перераб. и доп. Хабаровск: Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та, 2009. С. 98–99. URL: http://pnu.edu.ru/media/filer/2012/09/27/litera_dv.pdf

[24] *Светлов Н.* Китайская поэзия. Рыболов. Вдохновение // Рубеж. Харбин, 1931. № 28. С. 6. URL: http://pnu.edu.ru/media/filer/2012/09/27/antologia.pdf

диалог отечественной литературы и журналистики дополнялся, обогащался интеграцией другого порядка, интеграцией с литературой и журналистикой Китая, что в целом рождало качественно новый, уникальный феномен межкультурной коммуникации.

Явление дальневосточной эмиграции в XX в. стало знаковым историко-культурным фактом «встречи» двух географически соседних культур, литератур и средств массовой информации, но по своей сути глубоко своеобразных, тяготеющих к западу или востоку. Российские писатели и журналисты, принеся с собой на восток, главным образом в Китай, духовное богатство русской культуры, испытали на себе мощное, завораживающее влияние древнейшей восточной культуры. Многогранный процесс взаимовлияния культур стал закономерным следствием этой поистине судьбоносной «встречи». Постижение основ культуры Китая обнажило перед представителями другой, западной, культуры глубинную общность культур, базирующихся на идеалах гуманизма и общечеловеческих ценностях.

Литературное и журналистское творчество русского зарубежья Дальнего Востока способно внести весьма существенный вклад в решение одной из актуальных проблем современности, проблемы взаимодействия и взаимовлияния культур и литератур запада и востока, России и Китая как исторически развивающихся соседних государств в многополярном мире, имеющих продуктивные, с научной точки зрения, перспективы развития партнерского сотрудничества как в экономике, так и в культуре.

Список литературы

Анов Н. Выборгская сторона. Интервенция в Омске. Алма-Ата, 1981.

Бузуев О.А. Творчество Валерия Перелешина. Комсомольск-на-Амуре: Изд-во ГОУ ВПО «Комсомольский-на-Амуре гос. пед. ун-т», 2003.

Забияко А.А., Эфендиева Г.В. «Четверть века беженской судьбы...» (Художественный мир лирики русского Харбина). Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2008.

Иванов Вс.Н. Огни в тумане: Думы о русском опыте. Харбин, 1932.

Иванов Вс.Н. Огни в тумане. Рерих — художник-мыслитель. М.: Сов. писатель, 1991.

Литература и журналистика стран Азиатско-Тихоокеанского региона в межкультурной коммуникации XX–XXI вв.: Сб. науч. ст. Междунар. науч.-практ. конф. «Литература и журналистика стран Азиатско-Тихоокеанского региона в межкультурной коммуникации XX–XXI вв.». Хабаровск: Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та, 2011. URL: http://pnu.edu.ru/media/filer/2012/09/27/litera_atr.pdf

Литература и журналистика стран Азиатско-Тихоокеанского региона в межкультурной коммуникации XX–XXI вв.: сб. науч. ст. международной научно-практической конференции «Литература и журналистика стран Азиатско-Тихоокеанского региона в межкультурной коммуникации XX–XXI вв.». Хабаровск: Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та, 2014.

Литература и журналистика русского зарубежья Дальнего Востока в межкультурной коммуникации XX–XXI вв.: Монография / С.И. Якимова [и др.]; под ред. С.И. Якимовой. Хабаровск: Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та, 2012.

Раев М. Россия за рубежом. История культуры русской эмиграции 1919–1939. М.: Прогресс-академия, 1994.

Струве Г.П. Русская литература в изгнании. 3-е изд., испр. и доп. Париж: YMCA- Press; М.: Русский путь, 1996.

Сюй Г. Литературная жизнь русской эмиграции в Китае, 1920–1940-е годы: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1996.

Таскина Е.П. Русский Харбин. 2-е изд., испр. и доп. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2005.

Фостер Л.А. Библиография русской зарубежной литературы, 1918–1968. Вашингтон, 1970.

Штейн Э. Поэзия русского зарубежья в библиотеке Эммануила Штейна / Под общ. ред., с предисл. Ольги Штейн; Вступит. ст. Марка Поповского. Орандж; Antiguary, 2000.

Якимова С.И. Всеволод Никанорович Иванов: писатель, мыслитель, журналист. Хабаровск: Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та, 2013.

Поступила в редакцию
17.11.2014